

АРТЕМ ОНОПРИЕНКО

ПЕПЕЛ
МЕЖДУ
МИРАМИ

Арте́м Оноприе́нко

Пепел между мирами

«Автор»

2026

Оноприенко А.

Пепел между мирами / А. Оноприенко — «Автор», 2026

Она не должна была попасть в этот мир. Ритуал пошёл не по плану — и вместо древнего существа из тьмы пришла она. Теперь Мила связана с тем, что не должно существовать. Варис — опасный, холодный, и слишком тесно связан с её силой. Каэль — охотник, который должен её уничтожить. Один тянет во тьму. Другой — пытается спасти. Но чем сильнее становится Мила, тем очевиднее: она не принадлежит ни одному из них. Потому что настоящая угроза — это она сама.

© Оноприенко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дверь	5
Глава 2. Чужой мир	10
Глава 3. Метка	14
Глава 4. Первое правило	17
Глава 5. Город теней	21
Глава 6. Охотник	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Артем Оноприенко

Пепел между мирами

Глава 1. Дверь

Мила не верила в судьбу. Судьба была слишком громким, пафосным словом для мира, который чаще всего состоял из серых будней, невыспавшихся утренних кофе и тихого, нарастающего гула усталости в висках. Она верила в физику, в причинно-следственные связи и в то, что мир чаще ломается, чем складывается в понятную, уютную картину. Знаки, предчувствия, странные совпадения – всё это она привыкла объяснять просто: перегрузкой нервной системы, недосыпом, хроническим стрессом, который копился годами, как пыль на высоких полках, куда никто не заглядывает.

Поэтому, когда в её квартире появилась дверь, она сначала даже не удивилась. Удивление требовало энергии, а у неё её не было осталось даже на то, чтобы допить остывший чай.

Сначала был звук. Едва заметный, почти неуловимый – будто что-то сместилось в глубине пространства, словно гигантский механизм провернул ржавую шестерню за стеной реальности. Не скрип, не стук, а скорее тихий, вязкий сдвиг, который невозможно точно описать словами, но можно почувствовать кожей. У Милы по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с температурой в комнате. Она подняла голову от ноутбука и замерла, прислушиваясь. Тишина в квартире была плотной, ватной, давящей на перепонки.

Ничего.

Комната оставалась прежней: мягкий желтый свет настольной лампы выхватывал из полумрака разбросанные на столе бумаги, чашку с остывшим чаем, холодный экран с открытым документом, где курсор мигал в пустоте, как насмешка. За окном – ночь, обычная, городская, равнодушная. Огни соседних домов горели тускло, пробиваясь сквозь грязную пелену дождя, стекающего по стеклу жирными полосами.

И всё же ощущение не исчезло. Оно повисло в воздухе, тяжелое, как запах озона перед грозой. Воздух стал статичным, заряженным, волоски на руках медленно поднимались, реагируя на невидимое поле.

Она медленно перевела взгляд в сторону кухни – и тогда увидела её.

Дверь.

Чёрная, матовая, будто вырезанная из самого отсутствия света, она стояла между шкафом и стеной, где раньше не было ничего, кроме узкой пустой полосы, заклеенной обоями в цветочек. Мила точно это знала. Она жила здесь достаточно долго, чтобы помнить каждую трещинку на штукатурке, каждый скрип половицы, каждый выступ трубы. Этого проема не было вчера. Не было час назад. Не было пять минут назад, когда она ходила за водой.

Некоторое время она просто смотрела, не моргая. Глаза слезились от напряжения, сухая слизистая требовала влаги.

– Нет, – тихо сказала она. Голос прозвучал хрипло, словно она не пользовалась им несколько дней. Она сказала это не двери, а себе, словно это могло что-то изменить, вернуть реальность в привычные берега, захлопнуть распахнувшееся окно безумия.

Дверь не исчезла. Она казалась даже более реальной, чем стол, за которым она сидела. Казалось, она поглощала свет лампы, оставляя вокруг себя ауру сумрака, где тени ложились гуще, чем должны были.

Мила медленно выпрямилась, чувствуя, как внутри поднимается не страх, а раздражение. Реальность не должна вести себя так. У вещей есть место. У пространства – границы. У мира –

правила, которые нельзя нарушать просто так. Это не вписывалось ни в одно из них. Это было ошибкой системы, сбоем в матрице, галлюцинацией на фоне выгорания.

Она встала, чувствуя, как затекшие мышцы ноют. Шагнула вперёд и остановилась в паре шагов от двери. Теперь можно было рассмотреть её внимательнее. Поверхность казалась гладкой, но не отражала свет, словно поглощала его, как чёрная дыра. Никаких зерен, никаких текстур. Просто пустота, оформленная в прямоугольник. Ручка – металлическая, холодного оттенка, слишком чужеродная для обычной квартиры. Она выглядела древней, несмотря на отсутствие патины, словно была выкована из металла, который не знает времени.

И ещё было ощущение. Физическое, почти тактильное.

Будто за ней что-то есть.

Не комната, не коридор – что-то иное. Глубже. Тише. Чужое. От двери тянуло холодом, таким сильным, что волосы на руках встали дыбом, а дыхание стало видимым в теплом воздухе кухни. Воздух вокруг неё казался разреженным, трудным для дыхания, словно там, за порогом, не было кислорода.

Мила нахмурилась и протянула руку. На мгновение она задержалась, не из страха, а из упрямства – как будто сама себе давала последний шанс отступить, проявить благоразумие, вызвать врачей или просто лечь спать. Но пальцы всё же коснулись ручки.

Холод оказался резким, почти болезненным. Он мгновенно прошёл по коже, поднялся выше, до запястья, словно дверь была не просто предметом, а чем-то живым, способным чувствовать прикосновение. Это был не просто холод металла. Это был холод могилы, холод глубинной воды, где нет света, холод, который проникает сквозь поры прямо в кости.

Мила резко вдохнула, воздух обжёг лёгкие.

Теперь стало ясно – это не иллюзия. Иллюзии не имеют температуры. Иллюзии не заставляют сердце пропускать удар, а кровь стечь в венах.

Она могла отпустить. Могла закрыть глаза, отвернуться, лечь спать и решить, что всё это – последствия усталости, галлюцинация на фоне выгорания. Утром ничего бы не осталось. Солнце всё расставит по местам.

Наверное.

Но рука не разжалась. Пальцы сами собой сжались на металле, словно дверь пустила корни в её плоть, цепляясь за неё крючками.

Вместо этого она крепче сжала холодную ручку и тихо усмехнулась. Усмешка вышла кривой, нервной, обнажая зубы.

– Если ты сейчас исчезнешь, я сделаю вид, что ничего не было. И сожгу этот дом к чертям.

Дверь не исчезла. Наоборот, казалось, она слегка подалась навстречу, словно приглашая. Вибрация прошла по руке, тихий гул, который она почувствовала зубами.

Мила потянула её на себя.

Она открылась без звука и без сопротивления, словно только этого и ждала. Петли не скрипнули, дерево не хрустнуло. Просто граница исчезла.

За ней не было привычного пространства. Ни стен, ни пола, ни коридора. Только тьма – густая, плотная, не похожая на обычное отсутствие света. Она не просто скрывала, а поглощала, втягивала в себя всё, до чего могла дотянуться. Смотреть в неё было больно для глаз, словно пытаться разглядеть дно бездонного колодца, где на глубине что-то шевелится.

Из проёма тянуло холодом и запахом. Мила вдохнула и поморщилась. Пахло сыростью, старой пылью и чем-то металлическим.

И в этот момент Мила почувствовала это снова.

Не страх.

Что-то другое.

Тихое, едва уловимое ощущение, похожее на зов. Оно не звучало словами, не давило, не принуждало, но было настойчивым, как будто терпеливо ждало её решения тысячелетиями.

Оно резонировало с той пустотой внутри неё, которую она так тщательно заполняла работой, суетой, бессонными ночами. Пустота внутри и пустота за дверью узнали друг друга.

Мила резко выдохнула и отступила на шаг. Каблуки стукнули по паркету, звук прозвучал слишком громко в тишине квартиры, как выстрел.

– Это уже слишком, – пробормотала она. Голос дрогнул, предательски выдавая напряжение.

Здравый смысл наконец догнал её, запоздало, но уверенно. Всё происходящее выходило за пределы любого нормального объяснения, а значит, единственным разумным действием было закрыть дверь, заблокировать её шкафом и вызвать специалистов. Или уехать. Прямо сейчас.

Она потянулась к полотну, чтобы захлопнуть.

Но холод снова коснулся кожи, и вместе с ним вернулось ощущение, что если она закроет её сейчас, то потеряет нечто важное. Что-то уже началось, и отступление ничего не исправит – только оставит вопрос без ответа. Только оставит её прежней – уставшей, пустой, живой наполовину. Серая жизнь против чёрной двери.

Мила замерла.

Сердце ударило сильнее, больно толкнувшись в ребра, отдавая гулким эхом в ушах. Кровь стучала в висках, отсчитывая секунды до решения.

Она закрыла глаза всего на секунду, словно давая себе последний шанс передумать. В темноте век зов стал громче. Он пульсировал в такт сердцу.

– Чёрт с тобой, – тихо сказала она.

И шагнула вперёд.

Мир исчез резко, без перехода. Не было ни падения, ни движения – только ощущение, будто реальность вырвали из-под ног, как коврик. Пространство сжалось, сломалось и растворилось, оставив после себя лишь тьму. Желудок скрутило тошнотой, уши заложило ватной тишиной, давление ударило по барабанным перепонкам.

Сознание вернулось с холодом.

Мила резко вдохнула, закашлялась, чувствуя, как тяжёлый воздух обжигает лёгкие. Он был густым, вязким, словно пропитанным пеплом и гарью. Под ладонями был камень – холодный, шершавый, настоящий. Она открыла глаза и сразу поняла, что это место не имеет ничего общего с её квартирой.

Небо было тёмным, с глубоким красноватым оттенком, словно закат здесь никогда не заканчивался, словно мир постоянно умирал и не мог умереть окончательно. Облака стояли неподвижно, тяжелые, свинцовые. Воздух пах сыростью и чем-то ещё – металлическим, знакомым, но тревожным.

Кровью.

Запах был сильным, приторным, железистым. Мила почувствовала его вкус на языке, липкий и тёплый.

Она медленно приподнялась, опираясь на локти. Голова кружилась, горизонт плыл. Она находилась в центре каменного круга, исписанного символами. Тонкие линии были заполнены тёмной жидкостью, которая ещё не успела высохнуть. Она блестела в тусклом свете, словно масло, отражая багровое небо.

Взгляд скользнул дальше – и остановился.

Тела.

Шесть человек лежали вокруг круга, неподвижные, бледные. Их одежда была странной, грубой, словно сшитой из мешковины и грубой шерсти. Их запястья были разрезаны, кровь стекала по камню, заполняя узоры, питая их. Раны выглядели аккуратными, профессиональными, сделанными острым лезвием одним движением. Лица застыли в гримасах тихого ужаса

или абсолютной пустоты. Глаза некоторых были открыты, стекленели в вечном созерцании багрового неба, зрачки расширены до предела.

Несколько секунд Мила просто смотрела на них, не в силах осмыслить увиденное. Тошнота подступила к горлу, горячая и кислая. Это не было спецэффектом. Это было мясом и смертью. Настоящей, холодной смертью.

– Ну конечно, – тихо сказала она. Голос прозвучал чужим, плоским, лишённым эмоций. Защитная реакция психики.

Она медленно поднялась на ноги, чувствуя, как тело отзывается слабостью, но держится. Колени дрожали, мышцы напряглись, готовые к бегству. Мысли начинали складываться в цепочку, слишком очевидную, чтобы её игнорировать.

Ритуал. Призыв. Ошибка. И она – вместо того, что должно было прийти. Живая жертва вместо демона? Или просто случайный прохожий, наступивший на мину чужой войны?

– Прекрасно, – выдохнула Мила. Воздух вышел рваным комом, белый пар растворился в холоде.

– Не совсем.

Голос раздался за пределами круга.

Низкий, спокойный, лишённый спешки. Он вибрировал в воздухе, словно касался костей, резонировал в грудной клетке. Мила резко обернулась, сердце ухнуло вниз, пропуская удар.

Он стоял в тени, словно был вырезан из самой ткани этого мира. Высокий, пугающе неподвижный, с волосами цвета воронова крыла, которые поглощали редкий свет, сливаясь с окружающим сумраком. Лицо оставалось скрытым в полумраке, но контуры читались четко – резкие, будто выточенные из древнего камня: острые скулы, жесткая линия подбородка, прямой нос. Однако главное было не в чертах. Взгляд – внимательный, давящий, тяжелый – сразу приковывал к себе, не позволяя отвести глаза. В глубине его зрачков тлел слабый, неестественный отблеск, словно внутри груди горел древний, угасающий огонь, который отказывался гаснуть окончательно.

Он смотрел на неё так, будто ждал. Будто знал, что она придет. Будто она была блюдом, которое подали слишком поздно, но всё ещё желанным.

– Ты пришла, – сказал он.

Мила прищурилась, пытаясь разглядеть его лучше. Инстинкт кричал: беги. Но ноги были вросли в землю, прикованные невидимыми цепями.

– Похоже на то.

Он чуть наклонил голову. Движение было плавным, нечеловечески точным, без лишней мимики.

– Они звали не тебя.

Она бросила короткий взгляд на тела. Кровь вокруг них начинала темнеть, сворачиваться, впитываться в поры камня.

– Я уже догадалась. Судя по тому, что они мертвы, а я нет – что-то пошло не по плану.

Мужчина сделал шаг ближе, и тени вокруг него едва заметно дрогнули, словно живые существа, потянувшиеся к хозяину, лизнули его сапоги.

– Но ты подошла лучше.

Мила усмехнулась, хотя внутри неприятно сжалось. Холод пробежал по позвоночнику, оставляя след инея. В его голосе не было угрозы, была констатация факта. Как если бы она была инструментом, который наконец нашли в ящике с ненужным хламом.

– Отличный результат. Для них. Для меня – пока так себе.

Некоторое время они молчали, изучая друг друга. Тишина здесь была другой. Она давила на уши, звенела в голове. Ветер не шумел, насекомые не стрекотали. Только тихий гул в крови и тяжёлое дыхание.

– Ты прошла через дверь, – сказал он.

– Да. И что? Это теперь клуб по интересам? Вход только для избранных мертвецов?

– Это могут не все. Большинство сгорает. Или ломается. Разум не выдерживает перехода.

Тишина повисла между ними, напряжённая, плотная, как натянутая струна. Мила скрестила руки, пытаясь вернуть контроль хотя бы над собой, согреться. Она чувствовала его взгляд на своей коже, физический, как прикосновение горячей руки.

– Хорошо. Допустим. И что теперь? Ты меня съешь? Или объяснишь, куда я попала? Прежде чем я решу, как себя вести.

Он посмотрел на неё так, будто оценивал. Его взгляд скользнул по её лицу, шее, остановился на руках, на пульсирующей вене на запястье.

– Теперь ты здесь.

Она выдохнула, пар вырвался белым облаком.

– А назад?

Короткая пауза. В его глазах что-то мелькнуло. Жалость? Или удовлетворение хищника?

– Нет.

Ответ прозвучал спокойно, без сомнений. Как приговор, вынесенный судьёй, который уже всё решил.

Мила кивнула, будто ожидала именно этого. Внутри закипала злость. Она не хотела умирать. Не здесь. Не так. Не стать ещё одним телом в этом круге.

– Ладно.

Она выдержала его взгляд. Не отвела глаза первой. Это было важно. Показать, что она не жертва. Не сразу.

– Тогда хотя бы представься. Прежде чем мы перейдем к следующему этапу этой безумной программы.

Он чуть задержался, но всё же ответил:

– Варис.

Имя прозвучало так, словно имело вес в этом мире. Тяжелое, древнее. Оно повисло в воздухе, оседая на языке привкусом металла и пыли.

Мила кивнула.

– Хорошо, Варис. Тогда объясни, во что я попала. И почему я должна верить каждому твоему слову. У меня нет причин доверять человеку, который стоит среди трупов.

Он перевёл взгляд на круг, на кровь, на мёртвые тела, а затем снова на неё. В его взгляде не было раскаяния за этих людей. Только холодная целесообразность.

– В мир, который не прощает слабых. Где сила стоит дороже жизни. Где ты либо охотник, либо добыча.

Мила коротко усмехнулась. На этот раз увереннее. Страх отступал, уступая место адреналину, горячему и злему.

– Тогда ему не повезло. Я очень плохо умею быть слабой. Я выживала там, где другие сдавались.

Варис смотрел на неё долго. Впервые в его глазах появилось что-то, похожее на интерес. Не к жертве. К равной. К чему-то опасному.

– Посмотрим, – тихо сказал он.

Ветер усилился, принес с собой запах гари и старой крови. Мила почувствовала, как кожа на её левой руке, там, где раньше не было ничего, начала зудеть. Будто под ней что-то шевелилось, готовясь проявиться. Будто кожа готовилась принять клеймо.

Она посмотрела на руку. Под кожей проступала тень узора.

Глава 2. Чужой мир

Молчание между ними затянулось, став вязким и тяжелым, словно воздух вокруг пропитался свинцом. Мила первой отвела взгляд, не потому что проиграла этот немой поединок, а потому что ей нужно было собраться. Слишком много всего обрушилось на неё за последние минуты: переход сквозь черную дверь, запах крови, холод камня, шесть мертвых тел вокруг и этот человек – Варис, стоящий в тени, словно сама смерть решила принять человеческий облик.

Мозг отказывался обрабатывать информацию в привычном режиме. Он цеплялся за обрывки воспоминаний о квартире, о ноутбуке, о дожде за окном, пытаясь найти точку опоры, но реальность вокруг была неумолима. Она заставила себя дышать ровно, глубоко, чтобы унять дрожь в руках, и медленно огляделась ещё раз, фиксируя детали.

Картина не изменилась, от этого становилось только хуже.

Каменный круг, исписанный символами, которые болезненно рябили в глазах, если смотреть на них слишком долго. Кровь, заполняющая желобки узоров, уже начала темнеть, сворачиваясь, превращаясь в липкую черную массу. Тела. Шесть человек лежали вокруг, неподвижные, бледные, как воск. Их лица застыли в последних гримасах – кто-то умолял, кто-то просто угас, глядя в багровое небо. Запястья разрезаны аккуратно, профессионально. Это не было убийством в порыве ярости. Это было жертвоприношение.

И этот мир – чужой, холодный, неправильный. Даже воздух здесь ощущался иначе: тяжёлый, насыщенный чем-то невидимым, давящим на грудную клетку, затрудняющим вдох. Казалось, если сделать слишком глубокий вдох, лёгкие заполнятся не кислородом, а самой тьмой.

– Они мертвы, – сказала она наконец. Голос прозвучал хрипло, сорвался. Она сказала это больше для себя, чем для него, пытаясь озвучить очевидное, чтобы убедиться в реальности происходящего.

– Да, – ответил Варис.

Его голос не изменился. Тот же низкий тембр, лишённый спешки, без сочувствия или ужаса. Констатация факта.

– И ты стоял и смотрел? – Мила резко повернулась к нему. Внутри закипало раздражение, смешанное с холодным страхом. – Ты видел, как они умирали, и ничего не сделал?

Варис не сразу ответил. Он медленно моргнул, и на мгновение показалось, что его зрачки расширились, поглотив радужку.

– Я наблюдал.

Мила усмехнулась. Звук получился сухим, неприятным.

– Очень полезное занятие. Смотреть, как люди истекают кровью ради забавы.

Она шагнула за пределы круга. Ноги были ватными, подошвы ботинок скользнули по влажному камню. Она остановилась, ожидая хотя бы какого-то эффекта – боли, удара, невидимой стены, ловушки. Ничего не произошло. Камень под ногами был таким же холодным, шершавым, настоящим. Ветер шевелил полы её куртки, проникая под ткань ледяными пальцами.

– Значит, это не ловушка, – пробормотала она, больше надеясь, чем утверждая.

– Уже нет, – поправил Варис.

Мила бросила на него короткий, колющий взгляд.

– Ты говоришь так, будто она была. Будто круг должен был сработать иначе.

– Была. Для них.

Тон его голоса не изменился, но в нём появилось что-то едва уловимое – напряжение, скрытое под слоем спокойствия, как лезвие под бархатом. Тени вокруг него шевельнулись, хотя ветра в этом углу не было.

Мила снова посмотрела на тела. Теперь, подойдя ближе, она увидела детали, которые раньше старалась не замечать. Посиневшие губы, расширенные зрачки, запах внутренностей, смешанный с металлическим запахом крови. Её желудок свело спазмом.

– Они пытались кого-то призвать, – сказала она, формулируя мысль вслух, чтобы структурировать хаос в голове.

– Да.

– И вместо этого получили меня.

– Да.

Она выдохнула, и пар вырвался из рта густым белым облаком, мгновенно растворяясь в холоде. Провела рукой по волосам, чувствуя, как пальцы дрожат.

– Отлично. Просто идеально. Я стала ошибкой в чужом уравнении.

Несколько секунд она молчала, слушая тишину этого мира. Здесь не было звуков города, шума машин, голосов. Только ветер, гулко завывающий где-то вдалеке, и стук её собственного сердца. Затем она резко подняла голову, фиксируя взгляд на Варисе.

– И кого они ждали? Кого должны были вытащить из этой... дыры?

Варис посмотрел на неё чуть дольше, чем прежде. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на глазах, будто пытаясь прочесть что-то скрытое внутри.

– Не тебя.

– Это я уже поняла, – отрезала Мила. – Конкретнее. Кто? Демон? Бог? Очередная сущность, которой нужны тела для старта?

Он сделал шаг ближе. Теперь между ними оставалось всего несколько метров. Дистанция, достаточная для удара, но слишком близкая для комфорта. Мила не отступила, хотя инстинкт требовал увеличить расстояние.

– Существо, которое не должно было вернуться, – сказал Варис тихо. – То, что было заперто здесь очень давно.

Мила прищурилась.

– Звучит как плохая идея. Призвать то, что нельзя выпускать.

– Это и была плохая идея. Глупость, продиктованная отчаянием.

– Тогда почему ты не остановил их? – Мила сделала шаг навстречу, сокращая дистанцию.

– Ты стоял рядом. Ты мог вмешаться.

Пауза повисла в воздухе, напряженная, как натянутая струна. Варис не отвел взгляд.

– Я хотел увидеть, что произойдёт.

Она покачала головой, не веря своим ушам.

– Ты серьёзно? Шесть жизней ради эксперимента?

– Да.

– И тебя не смутило, что люди решили устроить кровавый ритуал посреди... где мы, собственно?

– В этом мире это не редкость. Сила требует платы. Кровь – самая доступная валюта.

Мила на секунду замолчала, переваривая услышанное. Холод пробрался под куртку, заставляя передёрнуть плечами.

– Прекрасно. Значит, я попала в место, где убийство шести человек – это норма. Будничность.

– Почти.

Она тяжело выдохнула, чувствуя, как внутри нарастает злость. Она цеплялась за неё, потому что злость была лучше страха. Злость давала энергию.

– Тогда следующий вопрос. Самый важный.

Варис ждал. Он стоял неподвижно, словно статуя, вырезанная из ночного камня.

– Почему я жива?

Он не ответил сразу. Его взгляд опустился на её руки, затем снова поднялся к лицу.

– Потому что дверь приняла тебя.

– Это не объяснение, – жестко сказала Мила. – Это описание факта. Почему дверь пропустила живого человека, когда должна была выпустить монстра? Почему я не лежу рядом с ними с перерезанным горлом?

– Это причина, – спокойно настаивал Варис. – Дверь выбирает того, кто подходит. Кто имеет... пустоту внутри.

Мила нахмурилась. Слова ударили точно в цель, больше, чем она ожидала. Пустота. Та самая, которую она чувствовала дома, в своей квартире, среди бумаг и невыпитого чая.

– Ты всё время говоришь загадками? – спросила она, чтобы скрыть неприятный осадок.

– Только когда это необходимо.

Она усмехнулась, но улыбка вышла кривой.

– Значит, всегда.

Тишина снова повисла между ними, но теперь она уже не была такой глухой. Где-то вдали послышался ветер – сухой, резкий, как будто он проходил сквозь пустые улицы или разрушенные здания, насвистывая в трещинах камня. Звук был неприятным, напоминающим скрежет металла.

Мила подняла взгляд к небу. Багровый оттенок не менялся, облака стояли неподжно, тяжелые, словно налитые свинцом.

– Здесь вообще есть люди? – спросила она. – Или только такие, как ты, и мертвецы в кругах?

– Есть.

– И они все такие... дружелюбные? Режут друг друга ради развлечения?

– Нет. Но выживание здесь важнее морали.

Она кивнула, принимая правила игры, даже не зная их полностью.

– Ясно.

Пауза. Ветер усилился, принесся запах гари и чего-то гнилого.

– Тогда ещё один вопрос.

– Задавай.

Мила сделала шаг ближе к Варису. Теперь она видела детали его лица. Шрамов не было, кожа была бледной, почти серой в этом свете. Но глаза... в них было что-то неправильное. Не просто холод – глубина, в которой что-то скрывалось. Что-то древнее и голодное.

– Почему ты не убил меня? – спросила она прямо. – Если я ошибка. Если я не то, что нужно. Если здесь убивают ради силы. Что мешает тебе прямо сейчас закончить начатое ими?

Тень едва заметной улыбки мелькнула на лице Вариса. Это не было весельем. Это было похоже на удовлетворение хищника, который нашел интересную добычу.

– А должен был?

– Судя по всему – да. Логично было бы устранить свидетеля. Или использовать меня как топливо.

Он сделал ещё один шаг. Теперь они стояли почти вплотную. Мила чувствовала исходящий от него холод, но не физический, а какой-то внутренний. От него пахло озоном и старой пылью.

– Ты не выглядишь как угроза, – сказал он тихо.

Мила скрестила руки на груди, защищаясь.

– Ошибаешься. Я выживала там, где другие ломались. Я не такая хрупкая, как кажусь.

– Возможно.

Он остановился. Его взгляд скользнул по её шее, где пульсировала вена, затем ниже, на руку, где кожа начала странно покалывать.

– Тогда что ты собираешься делать? – спросила она. – Со мной?

– Да.

Пауза. Варис чуть наклонил голову, и тень легла на его лицо, скрывая глаза.

– Посмотреть, что ты из себя представляешь. Дверь не ошибается. Если ты прошла – значит, в тебе есть что-то, чего нет у них.

Он протянул руку. Ладонь была открыта, пальцы длинные, бледные.

Мила не сразу поняла, что происходит. Она напряглась, ожидая удара, захвата, боли.

Но когда воздух вокруг них изменился – стало ясно.

Тьма сдвинулась.

Не исчезла. Не усилилась. Она... откликнулась.

Словно невидимая волна прошла сквозь пространство, заставляя волосы на теле встать дыбом. Свет вокруг мерк, хотя источника света не было. Тени у ног Вариса удлиннились, потянулись к Миле, как щупальца.

– Что ты делаешь? – тихо спросила она, не в силах пошевелиться.

– Проверяю, – ответил он.

– Это не похоже на просто «проверить».

– Это прикосновение.

Тьма коснулась её кожи. Не физически, но она почувствовала это каждым нервом. Холод проник сквозь одежду, обжег запястье.

Мила резко вдохнула.

– Убери.

– Не могу. Это уже началось.

– Что началось?

Варис смотрел на неё, и в его взгляде теперь читалось нечто иное. Не просто интерес. Признание.

– Ты стала частью этого мира, Мила. Обратного пути нет. Дверь закрылась за твоей спиной.

Она обернулась. Там, где должна была быть черная дверь, стояла сплошная каменная стена. Никаких швов, никаких следов. Только холодный камень.

Сердце ухнуло вниз.

– Хорошо, – сказала она, и голос её не дрогнул, хотя внутри всё сжалось в комок. – Значит, я здесь.

– Да.

– Тогда води. Покажи мне этот ад.

Варис усмехнулся.

– Это не ад. Это просто другой мир. А ад мы носим с собой.

Он развернулся и пошел прочь от круга, не оборачиваясь, уверенный, что она последует за ним.

Мила постояла ещё секунду, глядя на тела. Она должна была почувствовать ужас, жалость, но сейчас внутри была только звенящая пустота и холодная решимость.

– Подожди меня, – бросила она и пошла за ним.

Ветер усилился, заглушая шаги, но она слышала его дыхание впереди. Ритмичное. Спокойное.

Она не знала, куда он её ведёт. Не знала, выживет ли до утра. Но одно она поняла точно: она не будет жертвой. Не в этот раз.

Метка на руке зудела, напоминая о себе. Мила сжала пальцы в кулак, пряча её в рукав.

– Я так и думала, – тихо сказала она себе под нос.

И шагнула в темноту вслед за ним.

Глава 3. Метка

Сначала это было не зрение, а осязание.

Воздух вокруг них изменил свою плотность. Он стал вязким, тяжелым, словно пространство наполнилось невидимой смолой. Мила замерла, инстинктивно напрягая мышцы, готовая к броску, удару, к чему угодно, кроме этой давящей тишины. Но Варис не двигался. Он стоял неподвижно, как скала посреди бушующего моря, и лишь его глаза – темные, бездонные колодцы – следили за происходящим с пугающим спокойствием.

Тьма вокруг них дрогнула.

Это было не похоже на игру света и тени, когда облако закрывает луну или факел колеблется на ветру. Это было глубже. Тени у их ног оторвались от поверхности камня. Они не просто удлинились – они приподнялись, став объемными, живыми сгустками мрака, реагирующими на присутствие Вариса, как стая хищников на запах крови.

– Что ты делаешь? – голос Милы прозвучал тише, чем она хотела. В горле пересохло.

– Смотрю, – ответил Варис. Его голос вибрировал в грудной клетке, низкий и ровный, будто он обсуждал погоду, а не манипулировал самой сутью этого мира.

– Это не похоже на просто «смотреть», – отрезала она, чувствуя, как холод поднимается по коже.

Он не ответил. Его взгляд сместился с её лица на руку. На левое запястье, где ещё пять минут назад не было ничего, кроме бледной кожи и выступающей вены.

Теперь там что-то происходило.

Мила почувствовала это раньше, чем увидела. Жжение. Не поверхностное, как от ожога крапивой, а глубокое, проникающее до кости. Будто под кожу вводили раскаленную иглу, медленно, сантиметр за сантиметром, выжигая узор.

Она резко вдохнула, пытаясь сдержать стон.

– Это уже не смешно, Варис. Убери.

– Я не шучу, – он сделал шаг ближе. Тени вокруг него сгустились, потянулись к ней липкими щупальцами. – И я не могу это убрать.

Холод сменился жаром. Неправильным, чужеродным теплом, которое разливалось по венам вместо крови. Мила посмотрела вниз и увидела, как кожа на запястье темнеет.

Тонкие черные линии проступали из глубины, словно чернила, растворенные в воде, но застывающие мгновенно. Они складывались в узор – сложный, ломаный, состоящий из острых углов и плавных изгибов, которые болезненно рябили в глазах, если смотреть на них слишком долго. Узор двигался. Он дышал, пульсируя в такт её сердцу.

– Чёрт... что это?! – Мила резко отдернула руку, прижимая её к груди. Боль усилилась, становясь невыносимой, острой, как удар ножом. Она стиснула зубы, чувствуя, как по спине бежит холодный пот.

Варис наблюдал. В его взгляде не было сочувствия, но было что-то иное. Напряженный интерес. Хищное любопытство.

– Это реакция, – сказал он спокойно.

– На что?! – выкрикнула она, чувствуя, как слезы навертываются на глаза от боли. Она ненавидела эту слабость. Ненавидела то, что не может контролировать своё тело.

– На меня. На этот мир. На то, что ты теперь часть системы.

Метка вспыхнула темно-багровым светом на мгновение, затем погасла, оставив после себя лишь черный рисунок на коже. Боль отступила, сменившись глухим, ноющим пульсированием. Будто второе сердце забило у неё на запястье.

Мила тяжело дышала, глядя на руку. Узор казался живым. Казалось, стоит моргнуть – и он поползет дальше, поглотит всю руку, доберётся до сердца.

– Убери это, – повторила она, уже тише. В голосе появилась сталь. – Немедленно.

– Это не я сделал, Мила, – Варис подошел вплотную. Теперь она чувствовала исходящий от него холод, но он не был неприятным. Он был... родственным. Как будто её внутренний жар искал охлаждения. – Это сделала дверь. Это сделала тьма, которую тыпустила.

– Я не впускала ничего! Я просто прошла сквозь проём!

– В этом мире проход – это согласие. Ты приняла дар.

– Это не дар, это клеймо! – она попыталась стереть узор пальцами другой руки, тереть кожу, словно грязь. Но метка не стиралась. Она была частью плоти. Глубже эпидермиса.

Варис перехватил её руку. Его пальцы были холодными, сильными. Он не сжимал больно, но удержать её было невозможно.

– Не трогай, – приказал он.

Мила попыталась вырваться, но его хватка была железной.

– Пусти!

– Посмотри на меня.

Она подняла взгляд. Его лицо было близко. Слишком близко. Она видела каждую пору на его бледной коже, видела, как в глубине его зрачков плещется та же тьма, что теперь жила в её руке. В этом близком контакте было что-то нарушающее личные границы, интимное и опасное одновременно.

– Ты связана с этим местом, – сказал он тихо. Его голос упал до шёпота, но каждое слово звучало чётко. – Ты связана со мной.

– Секунду назад не была, – огрызнулась она, но сопротивления в её руке стало меньше. Боль утихала, сменяясь странным онемением.

– Была. Просто не знала об этом. Дверь не открывается для случайных прохожих. Она открывается для тех, кто уже имеет пустоту внутри. Ты была готова задолго до того, как увидела её.

Мила покачала головой, отказываясь принимать эти слова.

– Нет. Так не работает. Я обычный человек. Я хотела просто выпить чай и лечь спать.

– Здесь это не имеет значения, – Варис чуть наклонился, его дыхание коснулось её щеки. Оно пахло озоном и старой пылью. – Здесь работает только сила. И ты её получила.

Тишина повисла между ними, тяжёлая и насыщенная. Мила снова посмотрела на метку. Та перестала двигаться, застыла, став просто рисунком. Но ощущение связи осталось. Она чувствовала Вариса не просто взглядом. Она чувствовала его присутствие кожей, как тепло от костра или сквозняк от открытого окна.

– И что это значит? – тихо спросила она. Страх отступал, уступая место холодной ярости.

– Что ты не случайность, – ответил он. – Ты – ключ.

Мила усмехнулась. Звук вышел сухим, лишённым веселья.

– Я уже начинаю ненавидеть это слово. «Ключ». «Избранная». «Не случайность». Звучит как начало плохой сказки, где главный герой умирает на третьей странице.

Варис чуть наклонил голову, и в уголке его губ дрогнуло подобие улыбки. Это не было весельем. Это было удовлетворение.

– Тогда привыкай. Сказки здесь заканчиваются быстро.

– Отлично, – Мила выдохнула, выпрямляясь. Она больше не пыталась вырвать руку. Пусть держит. Пусть чувствует эту связь. Если это война, она не будет сдаваться без боя. – Я попала в другой мир, пережила кровавый ритуал, получила непонятную метку, которая теперь связывает меня с тобой, и ты говоришь, что я «не случайность».

Она подняла взгляд ему в глаза, вызовом встречая его тьму.

– Есть ещё хорошие новости? Или сразу перейдем к тому, как я умру?

Варис помолчал. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, затем снова поднялся к глазам. В этом взгляде было что-то такое, от чего у Милы ёкнуло сердце. Не страх. Что-то более древнее.

– Да, – сказал он наконец.

Мила прищурилась.

– Ну?

– Это только начало.

Мила на секунду замолчала, переваривая услышанное. Ветер усилился, завывая в руинах вокруг, принося запах гари и далекой грозы. Метка на руке пульсировала, откликаясь на его слова.

– Я так и думала, – тихо сказала она.

Она резко выдернула руку из его хватки. На этот раз он позволил.

– Тогда веди. Хватит стоять на месте. Если я теперь часть этого ада, покажи мне, где здесь выход. Или хотя бы где здесь можно найти что-то горячее выпить.

Варис усмехнулся. На этот раз искренне.

– Горячего здесь нет, Мила. Только тепло крови.

– Тогда будем надеяться, что у меня её хватит надолго, – парировала она и шагнула вперед, не дожидаясь его.

Она не оглядывалась, но чувствовала, как он следует за ней. Тени стелились за его ногами, лизали её ботинки. Метка горела тихим, ровным жаром.

Она не знала, куда они идут. Не знала, что ждет в конце пути. Но одно она поняла точно: она больше не жертва. Она игрок. И если этот мир хочет играть с ней в игры на выживание – она примет правила. Но выиграет по-своему.

– Эй, Варис, – бросила она через плечо, не сбавляя шага.

– Да?

– Если эта штука, – она потрясла рукой с меткой, – начнет меня пожирать изнутри, я сначала убью тебя. Понял?

– Понял, – ответил он из темноты. В его голосе звучало обещание. – Но я не дам ей тебя забрать.

Мила фыркнула, но внутри стало чуть теплее.

– Посмотрим, – сказала она.

И они пошли дальше, в глубь Теневого Предела, оставляя за спиной круг с мертвецами и дверь, которая закрылась навсегда.

Глава 4. Первое правило

Они вышли из круга вместе, но не рядом. Между ними сохранялась дистанция в несколько шагов – невидимая граница, которую ни один из них не стремился нарушить. Мила шла первой не потому, что взяла на себя лидерство, а потому, что ей нужно было движение. Остановиться означало бы снова посмотреть назад, на те шесть тел, что остались лежать на холодном камне в застывших позах вечного сна.

Она не оглядывалась. Чувствовала их спинным мозжечком, ощущала тяжесть их присутствия даже на расстоянии. Запах крови не исчезал, он вёлся в одежду, в кожу, казался частью самого воздуха этого мира. Каждый вдох отдавался металлическим привкусом на языке, напоминающим о том, какой ценой был оплачен её переход.

Варис следовал за ней бесшумно. Несмотря на тяжёлые шаги, которые должны были звучать на камне, он двигался как тень, скользящая вдоль стены. Мила слышала его дыхание – ровное, редкое, слишком спокойное для того, кто только что стал свидетелем кровавого жертвоприношения. Это раздражало больше, чем холод или боль в руке.

Они шли по узкой каменной дороге, которая постепенно выводила их прочь от места ритуала. Поверхность под ногами была неровной, покрытой трещинами, словно земля здесь когда-то пережила мощный удар и так никогда полностью не зажила. Между плитами пробивалась сухая серая трава, хрупкая, как стекло. Стоит наступить – и она рассыпится в пыль.

Вокруг тянулся мрачный пейзаж, от которого становилось тошно даже смотреть. Редкие искривлённые деревья тянули ветви к багровому небу, словно моля о помощи или пытаясь ухватиться за ускользающий свет. Их стволы были чёрными, лишёнными коры, похожими на обугленные кости. Сухая земля местами была покрыта тёмными пятнами, похожими на засохшую кровь. Мила старалась не смотреть под ноги слишком внимательно.

Вдалеке виднелись очертания города. Они выросли на горизонте внезапно, словно возникли из самой тьмы. Острые силуэты башен, словно вырезанные из ночного камня, пронзали небо. Не было куполов, не было украшений – только функциональность, доведённая до абсолюта. Защита. Оборона. Выживание.

Мила шла молча, пытаясь уложить происходящее в голове. Мысли путались, наткнулись одна на другую, как птицы в клетке. Она пыталась цепляться за логику, за привычные причинно-следственные связи, но здесь они не работали. Здесь работало только право сильного.

Рука ныла. Метка под рукавом куртки пульсировала в такт шагам, напоминая о себе глухим жаром. Иногда ей казалось, что она чувствует не только свою боль, но и присутствие Вариса за спиной. Не взглядом – кожей. Будто между ними натянулась невидимая нить, которая вибрировала при каждом его движении.

– Итак, – сказала она наконец, чтобы разрезать тишину. Голос прозвучал хрипло, сорвался. Она откашлялась. – У этого мира есть название? Или мы просто называем его «Ад»?

Варис не ответил сразу. Он шёл, глядя вперёд, его лицо было скрыто в полумраке капюшона, который он натянул глубже.

– Есть, – ответил он наконец.

– И? – Мила не обернулась. Ей не хотелось видеть его лицо сейчас. Ей нужно было сохранять иллюзию контроля, а смотреть на него означало признавать свою зависимость от него.

– Оно тебе ничего не даст.

Она остановилась и медленно повернулась к нему. Ветер шевелил полы её куртки, проныкая под ткань ледяными пальцами.

– Попробовать всё-таки стоит, – сказала она твёрдо. – Если я должна здесь выжить, мне нужно знать, где именно я нахожусь. Названия имеют значение. Они дают ориентиры.

Варис поднял на неё взгляд. В его глазах не было насмешки, только усталость. Древняя, глубокая усталость, которая копилась веками.

Пауза затянулась, став вязкой.

– Его называют Теневой Предел, – сказал он тихо.

Мила хмыкнула. Звук получился сухим, лишённым веселья.

– Оригинально. Прямо поэзия для путеводителя.

– Названия здесь не для красоты, – ответил Варис. Он сделал шаг ближе, сокращая дистанцию между ними. Тени вокруг его ног шевельнулись, словно живые существа, почуявшие хозяина. – Они предупреждают. Тень – это то, что остаётся, когда гаснет свет. Предел – это граница, за которой нет возврата.

Мила почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с погодой. Она отвернулась, снова глядя на город.

– Я уже поняла, – сказала она. – Здесь всё буквально. Всё опасно. Всё хочет тебя убить.

– Почти.

– Что значит «почти»?

– Здесь есть вещи, которые хотят не убить. А использовать.

Мила сжала пальцы в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь. Боль помогала сосредоточиться.

– Я так и думала, – пробормотала она. – Значит, я либо мясо, либо инструмент. Третьего не дано.

– Третье есть, – сказал Варис.

Она резко подняла голову.

– И что же?

– Хищник.

Мила усмехнулась. На этот раз в улыбке появилось что-то острое, опасное.

– Тогда мне нравится этот вариант.

Она снова повернулась к городу. Башни казались ближе, чем минуту назад. Или это просто иллюзия, вызванная тем, что идти пришлось по прямой, не сворачивая.

– И там... живут? – спросила она, кивая в сторону силуэтов.

– Да.

– Люди?

Варис чуть наклонил голову, и тень легла на его лицо, скрывая глаза.

– Не только.

Мила замедлила шаг. Ноги стали тяжелее, словно гравитация здесь работала иначе, сильнее давила на плечи.

– Это звучит ещё хуже, чем «люди».

– Так и есть, – спокойно согласился Варис.

Тишина снова повисла между ними, но теперь она была другой – не напряжённой, как натянутая струна, а выжидающей. Мила чувствовала, как внутри постепенно нарастает странное ощущение. Метка отзывалась едва заметным теплом, словно реагируя на окружающее пространство, на приближение города. Это было похоже на компас, который начинает бешено вращаться рядом с магнитом.

Она потерла запястье через ткань, пытаясь унять пульсацию.

– Что здесь главное правило? – спросила она вдруг. Вопрос возник сам собой, продиктованный инстинктом самосохранения. Если это игра, нужно знать правила, чтобы не проиграть в первый же ход.

Варис остановился.

Медленно обернулся. Его фигура на фоне багрового неба казалась чёрным силуэтом, вырезанным из бумаги.

– Не быть слабым, – сказал он.

Мила усмехнулась, хотя внутри всё сжалось.

– Это ты уже говорил. В кругу. Среди трупов.

– Тогда добавлю.

Он сделал шаг к ней. Теперь они стояли почти вплотную. Мила чувствовала исходящий от него холод, но он не был неприятным. Он был... родственным. Как будто её внутренний жар искал охлаждения.

– Здесь не дают второго шанса, – продолжил Варис. Его голос упал до низкого регистра, вибрируя в воздухе. – Ошибка стоит жизни. Доверие стоит жизни. Слабость стоит жизни. Всё имеет цену, Мила. И валюта здесь одна.

– Кровь? – предположила она.

– Время, – поправил он. – Кровь можно восполнить. Время – нет.

Мила встретила его взгляд. В его глазах не было угрозы, только констатация факта. Как если бы он объяснял законы физики: сила тяготения, скорость света, цена ошибки.

– Тогда им придётся привыкнуть к первому, – сказала она тихо. В её голосе появилась сталь, которой не было раньше. – Я не собираюсь ошибаться. И я не собираюсь умирать.

Варис смотрел на неё несколько секунд. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, затем снова поднялся к глазам. В этом взгляде было что-то такое, от чего у Милы ёкнуло сердце. Не страх. Что-то более древнее. Признание.

Затем он чуть заметно усмехнулся. Уголок его губ дрогнул, но глаза остались холодными.

– Посмотрим, – сказал он.

Ветер усилился, принес с собой холод и запах города – тяжёлый, чужой, но уже не такой далёкий. Пахло гарью, пылью и чем-то сладковатым, напоминающим гнилые цветы.

Мила перевела взгляд вперёд. Город нависал над ними, как грозовая туча. Ворота были открыты, зияя чёрным проёмом в стене. Это не выглядело как приглашение. Скорее – как пасть, которая ждёт, когда добыча войдёт сама.

И впервые за всё время Мила почувствовала не только страх или раздражение.

Интерес.

Опасный.

Но настоящий.

Адреналин ударил в кровь, заглушая усталость. Она выпрямила спину, расправила плечи. Метка на руке пульсировала сильнее, словно одобряя её решение.

– Ладно, – тихо сказала она. – Показывай свой мир, Варис.

Она сделала шаг вперёд. Уверенно. Не ожидая, пока он пойдёт первым.

Варис не остановил её. Он просто последовал за ней, сливаясь с тенями, которые удлинялись к вечеру. Они шли к воротам Теневого Предела, оставляя за спиной круг с мертвецами и дверь, которая закрылась навсегда.

Мила не знала, что ждёт их внутри. Не знала, сколько ещё крови придётся пролить, чтобы выжить. Но одно она поняла точно: она больше не жертва обстоятельств. Она игрок. И если этот мир хочет играть с ней в игры на выживание – она примет правила.

Но выиграет по-своему.

Рука снова кольнула болью. Мила сжала пальцы, пряча метку в рукав.

– Эй, Варис, – бросила она через плечо, не сбавляя шага.

– Да?

– Если это правило про слабость...

– Да?

– То я уже нарушила его. Я жива.

Варис молчал несколько секунд. Затем его голос донёсся из темноты, спокойный и ровный.

– Тогда будь готова заплатить за исключение.

Мила усмехнулась.

– Я всегда готова.

И они вошли в тень ворот, поглощённые городом, который никогда не спал.

Глава 5. Город теней

Чем ближе они подходили к городу, тем сильнее менялся воздух. Это было не просто ощущение – это было физическое давление, которое нарастало с каждым шагом, словно невидимая рука сжимала грудную клетку, затрудняя вдох.

Сначала Мила не могла понять, в чём именно дело. Всё выглядело одинаково мрачным: те же тёмные оттенки багрового неба, тот же тяжёлый горизонт, те же редкие деревья, искривлённые, будто их когда-то пытались вырвать из земли и сломать пополам. Их чёрные ветви тянулись к небу, как пальцы утопленников, молящих о помощи. Но постепенно ощущение усиливалось, становилось невыносимым.

Пространство здесь было... плотнее.

Как будто сам мир сжимался, становился теснее, не давая свободно дышать. Воздух густел, наполняясь чем-то невидимым, но ощутимым – словно мельчайшие частицы тьмы парили в нём, оседая на коже, проникая в лёгкие с каждым вдохом. Мила чувствовала, как волосы на руках поднимаются, реагируя на невидимое поле, которое окружало город.

– Это нормально? – спросила она, не оборачиваясь. Голос прозвучал тише, чем она хотела, словно воздух поглощал звуки.

– Да, – ответил Варис.

Его голос был ровным, спокойным, но в нём появилась какая-то новая нота. Напряжение? Предупреждение? Мила не могла определить.

– Мне уже не нравится это слово, – пробормотала она, чувствуя, как метка на руке отзывается слабым теплом. – «Нормально». «Почти». «Да». Ты мог бы разнообразить словарный запас.

Варис ничего не ответил. Но она почувствовала – уголок его губ дрогнул. Почти улыбка. Или насмешка. В этом мире грань была тонкой.

Город вырос перед ними внезапно. Не как обычное поселение, которое постепенно проявляется издалека, становясь чётче с каждым шагом. Нет – он словно возник из самой тьмы, материализовался из сумрака, стоило подойти ближе. Одно мгновение – и на горизонте ничего нет. Следующее – каменные стены поднимаются вверх, перекрывая небо, острые, безжалостные.

Каменные стены, тёмные, почти чёрные, поднимались вверх на невероятную высоту. Они были сложены из огромных блоков, каждый размером с человеческий рост, без единой трещины, без раствора. Просто камень к камню, с точностью, которая не могла быть достигнута обычными инструментами. Узкие башни тянулись к небу, острые, как лезвия ножей, готовые рассечь любого, кто попытается перелезть через них. На вершинах башен горели тусклые огни – не огонь, не свет, а какое-то холодное свечение, которое не давало тепла, только обозначало границы.

Ворота были открыты.

Но это не выглядело как приглашение. Не было стражи, не было приветствия, не было даже намёка на гостеприимство. Это скорее напоминало пасть хищника, которая не нуждается в том, чтобы закрываться – добыча войдёт сама, потому что у неё нет выбора.

Мила замедлила шаг. Инстинкт кричал: не входи. Разворачивайся. Беги. Но бежать было некуда – за спиной осталась только пустошь с мёртвыми телами в ритуальном круге.

– И сюда мы идём добровольно? – спросила она, останавливаясь в нескольких метрах от ворот.

– Да, – ответил Варис.

Он тоже остановился, но не обернулся к ней. Его взгляд был прикован к городу, к теням, которые скользили по стенам, словно живые существа.

– Отлично, – выдохнула Мила, чувствуя, как внутри закипает смесь страха и раздражения. – Значит, у меня есть выбор между смертью в пустоши и смертью в городе. Прекрасная дилемма.

– Не смерть, – поправил Варис. – Выживание.

– Это одно и то же, если вдуматься.

Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как тяжёлый воздух заполняет лёгкие, и шагнула вперёд.

И сразу почувствовала взгляды.

Их было много.

Слишком много.

Они не были направлены прямо – никто не останавливался, не подходил, не заговаривал. Люди... или существа, похожие на людей, просто проходили мимо, по улицам, которые вели от ворот вглубь города. Но каждый из них, казалось, замечал её. Каждый поворачивал голову на долю секунды, каждый бросал короткий взгляд, который скользил по её одежде, по лицу, по рукам, задерживаясь на мгновение дольше, чем нужно.

Оценивал.

Запоминал.

И уходил дальше, растворяясь в тенях переулков.

Мила сжала пальцы в кулаки, стараясь не выдать напряжение. Она чувствовала себя экспонатом в музее, который выставили на всеобщее обозрение без её согласия. Каждое движение давалось тяжелее, словно воздух стал ещё плотнее внутри городских стен.

Улицы были узкими, вымощенными тёмным камнем, который поглощал свет вместо того, чтобы отражать его. Между плитами не росло ничего – ни травы, ни мха, ни даже пыли. Дома стояли вплотную друг к другу, без украшений, без окон, выходящих наружу – только узкие прорезы, больше похожие на бойницы для лучников. Двери были низкими, тяжёлыми, сделанными из металла, который не ржавел в этом вечном сумраке.

Здесь не было уюта.

Только функция.

Только выживание.

Мила шла, стараясь не смотреть по сторонам слишком долго. Но периферийное зрение улавливало детали: фигуры в тёмных плащах, которые скользили вдоль стен; глаза, которые светились в темноте переулков; тени, которые двигались независимо от своих хозяев.

– Они чувствуют, – тихо сказал Варис.

Его голос прозвучал рядом, хотя Мила не слышала его шагов. Он шёл бесшумно, как призрак.

– Что именно? – спросила она, не оборачиваясь.

– Что ты не отсюда.

Мила усмехнулась. Звук получился сухим, лишённым веселья.

– Это так заметно?

– Для них – да.

Она кивнула, принимая эту информацию. В конце концов, после всего, что произошло, её уже ничто не могло удивить по-настоящему.

– Тогда следующий вопрос. Они опасны?

– Все.

Ответ прозвучал без колебаний. Без попыток смягчить правду. Просто констатация факта, как если бы он сказал: небо тёмное, камень твёрдый.

Мила перевела взгляд на ближайшую фигуру – мужчина с бледной кожей и слишком тёмными глазами остановился на секунду, встретился с ней взглядом и медленно усмехнулся.

Его губы растянулись в улыбке, но глаза остались холодными, пустыми. В этой улыбке не было дружелюбия. Только оценка. Только расчёт.

Холод прошёл по спине Милы, оставляя след инея на коже.

– Прекрасно, – пробормотала она. – Значит, каждый второй здесь хочет меня убить. А остальные – просто подумывают об этом.

– Примерно.

Она фыркнула.

– Ты умеешь поднять настроение.

Они прошли ещё несколько улиц, пока Варис не свернул в узкий проход между домами. Здесь было темнее, почти не было света – только тусклое свечение тех же холодных огней на башнях, которое едва пробивалось сквозь узкие щели между крышами. Звуки города становились глуше, словно стены поглощали их.

Мила почувствовала, как метка на руке отзывается теплом.

Сильнее, чем раньше.

Гораздо сильнее.

Она инстинктивно прижала руку к груди, пытаясь скрыть пульсацию под тканью куртки. Но тепло не унималось – оно распространялось по вене, поднималось выше, к плечу, словно что-то внутри реагировало на приближение к определённой точке города.

– Ты чувствуешь? – спросил Варис.

Он остановился и повернулся к ней. В полумраке переулка его лицо казалось ещё бледнее, ещё более чужим. Но глаза... в них было что-то, что заставляло Милу задерживать взгляд дольше, чем следовало.

– Да, – ответила она. – Как будто что-то тянет.

– Это реакция на город.

– Или на тебя, – парировала Мила, встречая его взгляд.

Варис не ответил сразу. Он смотрел на неё долго, словно взвешивая что-то. Тени вокруг него шевельнулись, потянулись к её ногам, как живые щупальца, но исчезли, не коснувшись.

– Это тоже, – сказал он наконец.

Его голос упал до низкого регистра, вибрируя в воздухе между ними.

Мила почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Не страх. Что-то более сложное. Более опасное.

– Отлично, – выдохнула она, отводя взгляд первой. – Значит, я теперь ходячий детектор аномалий. Это будет полезно в быту.

Варис чуть наклонил голову. И в этот момент Мила увидела – в глубине его глаз что-то мелькнуло. Не просто холод. Не просто тьма. Что-то живое. Что-то, что откликалось на неё.

– Ты привыкнешь, – сказал он тихо.

– К чему именно? Ко всему этому безумию?

– К силе.

Мила усмехнулась, но в улыбке не было лёгкости.

– Я думала, сила – это хорошо. По крайней мере, в сказках так говорят.

– В этом мире сила – это бремя. Чем больше её у тебя, тем больше тех, кто захочет её отнять.

Она посмотрела на свою руку, на метку, которая продолжала пульсировать под рукавом.

– Тогда почему я её получила?

Варис сделал шаг ближе. Теперь между ними оставалось меньше метра. Мила чувствовала исходящий от него холод, но он не был неприятным. Он был... родственным. Как будто её внутренний жар искал охлаждения.

– Потому что ты выдержала, – сказал он. – Дверь не открывается для слабых. Тьма не принимает тех, кто ломается.

– Я не ломалась, – тихо сказала Мила. – Я просто... не знала, во что ввязываюсь.

– Теперь знаешь.

Пауза повисла между ними, тяжёлая, насыщенная. Мила чувствовала его взгляд на своей коже, физический, как прикосновение. И метка отвечала на это прикосновение, пульсируя сильнее.

– И что теперь? – спросила она. – Мы просто ходим по городу, пока кто-нибудь не попытается меня убить?

– Пока мы не найдём то, что нам нужно.

– А что нам нужно?

Варис отвернулся, глядя вглубь переулка, где тьма сгущалась до непроглядной.

– Ответы.

Мила выдохнула, чувствуя, как внутри нарастает странное ощущение. Не только страх. Не только раздражение. Интерес. Опасный. Но настоящий.

– Тогда веди, – сказала она. – Но если мы попадём в засаду, я сначала убью тебя. Понял?

Варис усмехнулся. На этот раз искренне.

– Понял.

И они пошли дальше, вглубь Теневого Предела, оставляя за спиной ворота, которые больше не казались выходом. Только входом в лабиринт, из которого не было возврата.

Мила шла рядом с ним, чувствуя, как метка горит на руке, как тени шепчутся вдоль стен, как город наблюдает за ними тысячей невидимых глаз.

И впервые за всё время она поняла —

она больше не жертва.

Она игрок.

И эта игра только начиналась.

Глава 6. Охотник

Они не успели дойти до конца переулка.

Мила почувствовала это раньше, чем увидела – резкое изменение в воздухе, словно пространство разрезали невидимым лезвием. Давление на грудную клетку усилилось, заставляя дыхание сбиваться. Метка на запястье пульсировала чаще, откликаясь на что-то приближающееся.

Она остановилась, инстинктивно напрягая мышцы.

– Варис...

Он уже повернулся. Бесшумно, плавно, как хищник, почуявший угрозу. Тени вокруг него сгустились, реагируя на его напряжение, словно живые существа, готовые к прыжку.

Свет появился внезапно.

Не мягкий, не рассеянный – резкий, ослепительный, он ударил в темноту, разорвав её на части. Тени отступили с шипением, стены переулка словно отразили этот свет, и на мгновение всё вокруг стало слишком чётким, болезненно ярким. Каждый камень, каждая трещина выступили из мрака, как раны на теле города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.